Продаётся / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Продаётся / рассказ ПРОДАЁТСЯ

Какое наслаждение выйти на восходе солнца и шагать по росе вдоль полей, берегом спокойного моря!
Какое наслаждение! Его впитываешь глазами вместе со светом, ноздрями вместе с легким воздухом, всеми порами вместе с дуновением ветра.
Почему храним мы такое светлое, такое нежное, такое яркое воспоминание о некоторых минутах слияния с Землей, о сладостном и мимолетном ощущении, словно о ласке какого-нибудь пейзажа, возникшего за поворотом дороги, при входе в долину, на берегу реки, совсем такое же воспоминание, как о встрече с приветливой красоткой?
Мне особенно памятен один день. Я шел вдоль бретонского побережья океана, к мысу Финистер. Я шел быстрым шагом, у самой воды, не думая ни о чем. Это было в окрестностях Кэмперлэ, в самой тихой и самой прекрасной части Бретани.
Стояло весеннее утро, такое утро, которое молодит человека на двадцать лет, вновь рождает надежды и возвращает юношеские грезы.
Я шел по едва заметной тропинке между колосьями ржи и волнами моря. Колосья совсем не колыхались, а волны колыхались слегка. Веяло сладким ароматом зрелых нив и ароматом морских водорослей. Я шел вперед, не думая ни о чем, продолжая начатое две недели назад путешествие вдоль берегов Бретани. Я чувствовал себя сильным, ловким, счастливым и веселым. Я шел вперед.
Я не думал ни о чем. Зачем думать в эти часы бессознательной радости, глубокой, плотской, — радости животного,. резвящегося в траве, или птицы, парящей в голубом эфире под солнцем? Издалека ко мне долетали звуки духовных песнопений. Возможно, это проходила какая-нибудь процессия, — день был воскресный. Но я обогнул мысок и остановился в восхищении. Я увидел пять

громадных рыбачьих баркасов, полных людей — мужчин, женщин, детей, направлявшихся на храмовой праздник в Плуневен.
Они медленно плыли вдоль берега под слабым, словно утомленным, ветерком, который слегка надувал бурые паруса и тотчас же, обессилев, спадал, и паруса беспомощно повисали на мачтах.
Тяжелые лодки тихо скользили, нагруженные людьми. А люди все пели. Мужчины в широкополых шляпах, стоя у бортов, сотрясали воздух басовыми нотами, женщины выкрикивали визгливые ноты, а тонкие голоса детей врезались в этот благочестивый и нестройный хор, подобно звукам фальшивых флейт.
На всех пяти лодках пел и один и тот же псалом, мерные звуки его разливались в спокойном небе, и все пять лодок плыли одна за другой, близко одна от другой.
Они прошли передо мной, мимо меня, и я видел, как они удалялись, я слышал, как слабел и затихал напев гимна.
И я принялся мечтать, как мечтают совсем незрелые юноши, по-детски восторженно.
Как быстро проносят эти годы мечтаний, единственно счастливые годы жизни! Можно ли быть одиноким, можно ли грустить, можно ли быть мрачным и безутешным, когда обладаешь божественной способностью, оставшись наедине с самим собой, отуманивать себя надеждами? О волшебная страна мечтаний, где все возможно в обольщениях своевольной мысли! Как прекрасна жизнь под золотым налетом грез!
Увы! С этим покончено навсегда!
Я предался мечтам. О чем? О том, чего ждешь неустанно, о том, чего желаешь, о богатстве, о славе, о женщине.
И я шел крупным, размашистым шагом, лаская рукой золотистые макушки колосьев, которые склонялись под моими пальцами и щекотали мне ладонь, словно я прикасался к чьим-то волосам.
Я обогнул еще один мысок и вдруг увидел в глубине узкого, изогнутого дугой песчаного берега белый дом, стоявший над тремя уступами, которые спускались к самому морю.
Почему при виде этого дома я затрепетал от радости? Не знаю.
Иной раз на пути попадаются уголки настолько милые и близкие сердцу, что кажется, будто знаешь их давным-давно. Не верится, что никогда их не видел, что никогда не жил тут. Все в них

влечет и пленяет — и мягкая линия горизонта, и расположение деревьев, и цвет песка!

О чудесный дом на высоких уступах! Пышные плодовые деревья росли по краям трех террас, которые спускались к морю, как гигантские ступени. И каждую венчал, точно золотая корона, большой куст испанского дрока в цвету!

Я остановился, охваченный нежностью к этой обители. Как бы мне хотелось быть ее владельцем, жить в ней постоянно!

Когда я подходил к воротам, сердце у меня щемило от зависти, и вдруг я заметил на одном из столбиков ограды дощечку с надписью: «Продается».

Я вздрогнул от радости, как будто мне отдали, подарили его, этот дом. Почему, собственно, почему? Сам не знаю!

Продается! Значит, он уже почти ничей, он может стать чьим угодно, даже моим, моим! Откуда эта радость, это ощущение торжества, глубокого и необъяснимого? Ведь знал же я, что не куплю его! Чем бы я за него заплатил? Неважно, он продается! Птица в клетке принадлежит своему хозяину, птица на воле моя, потому что она ничья.

И я вошел в сад. О этот прекрасный сад со ступенчатыми террасами, со шпалерами деревьев, ветви которых простерты, как длинные руки распятых мучеников, с купами золотого дрока и двумя старыми смоковницами на конце каждой террасы!

Поднявшись на самую верхнюю, я огляделся. У ног моих расстилался маленький пляж, полукруглый и песчаный, отделенный от морского простора тремя массивными бурыми скалами, которые закрывали доступ к нему, а в непогоду принимали на себя натиск воды.

Прямо напротив, на самом краю мыса, я увидел два огромных камня — один стоял, другой лежал в траве — менгир и долмен, странные, похожие на двух супругов, превращенных в камень силою злых чар, они, казалось, неотступно смотрели на маленький домик, видели, как он строился на этом берегу, который столетиями на их памяти был пустынным, и увидят потом, как маленький домик разрушится, раскрошится, рассеется по ветру, увидят, как исчезнет маленький домик, что теперь продается.

О древний долмен и древний менгир, как вы дороги мне!
И я позвонил так, как будто звонил у своей двери. Мне открыла женщина, старенькая, сухонькая служанка в черном платье и белом чепце, похожая на монашенку. Мне показалось, что и женщину эту я знал раньше.
Я спросил:
— Вы не бретонка?
Она ответила:
— Нет, сударь, я из Лотарингии, — И прибавила: — Вы хотите осмотреть дом?
— Ну да, конечно.
И я вошел.
Мне казалось, я узнаю все — комнаты, обстановку, Я готов был удивиться, что не вижу в передней своих тростей.
Я очутился в гостиной, увешанной циновками нарядной комнате с тремя широкими окнами на море. На камине стояли китайские вазы и большая фотография женщины. Я тотчас же направился к ней, уверенный, что узнаю ее. И я узнал ее, хотя убежден, что никогда с ней не встречался.
Это была она, она, та самая, кого я ждал, желал, призывал, чье лицо преследовало меня во сне. Это была она, та, кого ищешь всегда, везде, та, кого ежеминутно надеешься увидеть на улице, встретить на деревенской дороге, чуть мелькнет над хлебами красный зонтик, та, что, верно, ждет меня в гостинице, где я остановлюсь проездом, или в вагоне, куда я войду, в зале, где передо мной распахнется дверь.
Это была она, бесспорно, несомненно, она! Я узнал ее по глазам, глядевшим на меня, по волосам, завитым в длинные локоны, а особенно — по губам, по улыбке, которую давно угадал.
Я тотчас же спросил:
— Кто эта женщина?
Старуха с обличьем монашенки сухо ответила:
— Это мадам.
Я переспросил:
— Ваша хозяйка?
Она возразила тоном суровой ханжи:

— О нет, сударь!
Я сел и сказал:
— Расскажите-ка мне о ней.
Старуха застыла на месте от удивления, не находя слов.
Я настаивал:
— Она владелица этого дома?
— О нет, сударь!
— Чей же это дом?
— Моего хозяина, господина Турнеля.
Я указал пальцем на портрет:
— А эта женщина, кто же она?
— Это мадам.
— Жена вашего хозяина?
— О нет, сударь!
— Значит, его любовница?
Монашенка не ответила. Я продолжал спрашивать, охваченный смутной ревностью, безотчетной злобой против человека, встретившего эту женщину:
— Где же она теперь?
Старуха пробормотала:
— Хозяин в Париже, а где мадам, не знаю, право.
Я встрепенулся:
— Ах, они не вместе?
— Нет, сударь.
Я схитрил и убедительным тоном произнес:
— Расскажите мне, что случилось: возможно, мне удастся оказать услугу вашему хозяину. Я знаю ее, это дурная женщина.
Старая служанка посмотрела на меня, и мой искренний, простодушный вид внушил ей доверие.
— Ах, сударь, и сколько же горя она принесла моему хозяину! Он познакомился с ней в Италии и привез ее с собой, все равно как жену. Уж очень хорошо она пела. А он до того любил ее, сударь, что жалость брала смотреть. Прошлым летом они путешествовали по здешним местам и набрели на этот дом, а выстроил его, верно, сумасшедший, — разве в здравом уме станешь жить в двух лье от деревни! Мадам сразу пожелала купить дом и поселиться в нем с моим хозяином. Вот он и купил этот дом ей в угоду.

Они прожили в нем все прошлое лето, сударь, и почти всю зиму.
Но только как-то утром, перед самым завтраком, хозяин зовет меня:
— Сезарина, мадам вернулась?
— Да нет, сударь.
Мы прождали целый день. Хозяин ходил как помешанный. Искали повсюду, но не нашли ее. Она уехала, сударь, а куда и как уехала, мы так и не узнали.
О! Какая радость овладела мной! Мне захотелось расцеловать монашенку, схватить ее за талию и закружиться с ней по гостиной.
Вот как! Она уехала, убежала, он надоел, опротивел ей!
Я был счастлив!
Старуха заговорила снова:
— Хозяин чуть не зачах с горя, потом вернулся в Париж, а нас с мужем оставил продавать дом. Мы хотим за него двадцать тысяч франков.
Но я больше не слушал! Я думал о ней! И вдруг мне показалось, что стоит только снова пуститься в путь, и я найду ее: ведь она неминуемо должна этой весной вернуться сюда, поглядеть на домик, на свой прелестный домик, который без него был бы ей так мил.
Я сунул десять франков в руки старой служанки, схватил портрет и бросился бежать, страстно целуя милое лицо, запечатленное на картоне.
Я добежал до дороги и зашагал дальше, все глядя на нее. Какое счастье, что она ушла от него, что она свободна! Без сомнения, я встречу ее не сегодня, так завтра, не на этой, так на будущей неделе, раз она покинула его. Она покинула его, потому что пробил мой час!
Она свободна, она живет где-то на белом свете! Раз я узнал ее, мне остается только ее найти.
И я опять ласкал податливые макушки спелой ржи, я полной грудью пил морской воздух, я ощущал на лице поцелуи солнца. Я все шел и шел, обезумев от счастья, опьянев от надежды. Я шел, уверенный, что скоро встречу ее и вернусь с ней сюда, и тогда мы вдвоем будем жить в милом домике с надписью: «Продается».

Как ей будет хорошо здесь на этот раз!

* * *

Напечатано в «Фигаро» 5 января 1885 года.
Менгир и долмен — культовые камни древних кельтов. Менгир — одиноко стоящий вертикальный камень, долмен — столообразное сооружение из нескольких больших камней, внутри которых обычно находилось место погребения умерших.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994
Перевод Ф. Стырикович Hekaўalar